

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.135.146>

МОРДОВСКАЯ ОКРУГА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА НАРУЧАДЬ¹

© 2024 г. В.В. Ставицкий, С.В. Белоусов

В ближнюю округу входят сельские поселения, расположенные в дневной доступности от города, информация о которых нам известна в основном по материалам могильников, оставленных их жителями. Из мордовских поселений раскопками исследовано только селище «Полянки». Также к городской округе относятся мордовские могильники: Казбек, Абашевский, Акимовщинский, Паньжинский, На городской территории исследован Старосотенском могильник, захоронения на котором совершались еще в домонгольское время. Остальные памятники, видимо, появились на данной территории в результате перемещения населения, вызванного монгольским нашествием, после стабилизации внутриполитической обстановки. Место для города, вероятно, было выбрано с учетом плотности сельского населения, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение продуктами питания ордынской администрации и городских ремесленников. Возникновение города не оказало существенного воздействия на население мордовской округи, которое продолжало широко культивировать домашние промыслы и довольно слабо было вовлечено в товарно-денежные отношения. Подавляющая часть керамической посуды и железных изделий изготавливалась сельскими мастерами, городские ремесленники снабжали село в основном ювелирными украшениями. В городе в основном были сосредоточены административные функции.

Ключевые слова: археология, средневековый город, Наручадь, городская округа, Золотая Орда, мордва, ремесло, товарно-денежные отношения.

MORDOVIAN DISTRICT OF THE GOLDEN HORDE CITY OF NARUCHAD²

V.V. Stavitsky, S.V. Belousov

The nearest surroundings includes rural settlements located within a day's walk from the city, the information about which is known mainly from the materials of burials left by their inhabitants. Of the Mordovian settlements, only the Polyanki settlement has been excavated. Mordovian burial grounds also belong to the urban area: Kazbek, Abashevo, Akimovshchina, Panzha, Staraya Sotnya, where burials were made back in pre-Mongol times. The other sites, apparently, appeared on this area as a result of population displacement caused by the Mongol invasion, after the stabilisation of the internal political situation. The location for the city was probably chosen taking into account the density of the rural population in order to ensure an uninterrupted supply of food to the Horde administration and urban artisans. The emergence of the city did not have a significant impact on the population of the Mordovian district, which continued to widely cultivate domestic crafts and was rather poorly involved in commodity-money relations. The overwhelming majority of pottery and ironware were made by rural craftsmen, urban artisans supplied the village mainly with jewelry. Administrative functions were mainly concentrated in the city.

Keywords: archaeology, medieval town, Naruchad, urban district, Golden Horde, the Mordvins, crafts, commodity-money relations

Целью нашего исследования является изучение сельской округи золотоордынского города Наручадь, название которого известно по летописным и нумизматическим источникам и который являлся административным центром области Мохши (Пигарев, 2022).

К городской округе средневекового города обычно относят близлежащие территории, связанные с ним административно и экономически. Сельская округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья обладала развитыми сельским хозяйством и промыслами,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

² The research was financially supported by RSF (РНФ) grant No. 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

способными частично обеспечивать города продуктами питания и ремесленным сырьем. Село снабжалось через города ремесленной продукцией (поливной и неполивной керамикой, стеклянными и чугунными изделиями, предметами из черного и цветного металла) и дорогами привозными товарами (вино, парча, шелк) (Недашковский, 2011, с. 3, 8–9).

Представления о размерах подобной округи достаточно широко варьируются в работах различных исследователей. По наблюдениям Л.Ф. Недашковского, территории вокруг крупнейших городищ золотоордынского времени начинают соприкасаться с радиуса в 60 км, что составляло два-три дня пути (Недашковский, 2013, с. 119). Н.Н. Грибовым зафиксировано два района концентрации сельских поселений в средневековой округе Нижнего Новгорода, один из которых составляет в поперечнике 70 км, второй – 200 км (Грибов, 2007; 2021, с. 165). На основе археологических данных и сведений из переписной книги Шелонской пятины А.Я. Дегтярев пришел к выводу, что в округе средневекового Новгорода существовало две территориальные зоны, плотность сельского населения в пределах которых варьировалась примерно вдвое. К ближней, сравнительно густо населенной зоне относились селища, расположенные в радиусе 20 км, жители которых могли посетить город и вернуться домой в течение светового дня, а к дальней – селища в радиусе 40 км, крестьяне которых, посетив город, вынуждены были остаться в нем на ночевку (Дегтярев, 1982, с. 148). Радиусом дневной доступности в 20 км З.Г. Шакиров определяет сельскохозяйственную округу Биляра (Шакиров, 2014, с. 39). Исходя из вышеназванных критериев к ближней округе города Наручадь можно отнести селища «Полянки», Потодеевское, Красный Восток, могильники Абашевский (Беднодемьяновский), Казбек, Паньжинский и Акимовщинский, которые расположены в радиусе 20–25 км (рис. 1).

По мнению ряда авторов, город Наручадь возник на месте сельского мордовского поселения, которое существовало здесь в домонгольское время. В пользу данной точки зрения обычно приводятся разрозненные находки из окрестностей современного Наровчата, хранящиеся в местном краеведческом музее, а также ранние захоронения Старосотенского могильника (Белорыбкин и др., 2021, с. 172;

Белоусов, Ставицкий, 2022). Исследователь Старосотенского могильника А.Е. Алихова датировала его материалы XIII–XIV вв., не давая при этом ответа на вопрос: совершались ли на могильнике захоронения в домонгольское время (Алихова, 1948, с. 225), что неудивительно, поскольку большинство артефактов, бытовавших в первые десятилетия XIII века, использовались и во второй половине данного столетия. В недавней статье В.И. Вихляев и Е.Н. Кемаев предложили ограничить время бытования сьюльгам с лопастями шириной от двух до трех значений диаметра кольца XII в., а сьюльгам с лопастями шириной от трех до четырех значений диаметра – XIII в. (Вихляев, Кемаев, 2019, с. 111–113, рис. 1: 3–8). Подобные сьюльгамы присутствуют в восьми погребениях: 4, 6, 10, 18, 19, 22, 25, 30 Старосотенского могильника из раскопок 1927 г. (Алихова, 1948, с. 225–241, табл. II: 22, 23). Однако сьюльгамы с узкими лопастями продолжают эпизодически встречаться в погребениях ряда могильников, возникших после переселения мордвы на новые территории в золотоордынное время: Аткарского (Монахов, 1991, с. 175, рис. 5: 13, 15), Бокинского (Андреев, 2020, с. 155, рис. 2: 2, 5, 6, 14, 25, 26), 2-го Усинского (Васильева, 1993, с. 72–73, рис. 4: 8, 9; 5: 23–24, 26–31), Муранского (Гисматулин, 2021, с. 184, рис. 1: 3; Алихова, 1954, рис. 8: 22), Кузькинского (Сташенков, 2019, рис. 7: 7). Более надежным хронологическим индикатором домонгольского периода являются пластинчатые «усатые» перстни, которые по материалам древнерусских памятников датируются концом X – началом XII в. (Недошивина, 1967, с. 257–258). В монографии М.В. Седовой приведены два подобных перстня из новгородских слоев первой половины XI в., однако период их бытования со ссылкой на публикацию Н.Г. Недошивиной указан: с конца X по начало XIII в. (Седова, 1981, с. 130), что, вероятно, является опечаткой, которая оказалась растиражирована рядом авторов. В перечисленных выше мордовских могильниках, где имеются погребения только золотоордынского времени, находки подобных перстней неизвестны. В Старосотенском могильнике «усатые» перстни зафиксированы в погребениях 18 и 19, еще один перстень имеется среди подъемного материала. В обоих погребениях присутствуют только ранние формы узколопастных сьюльгам (Алихова,

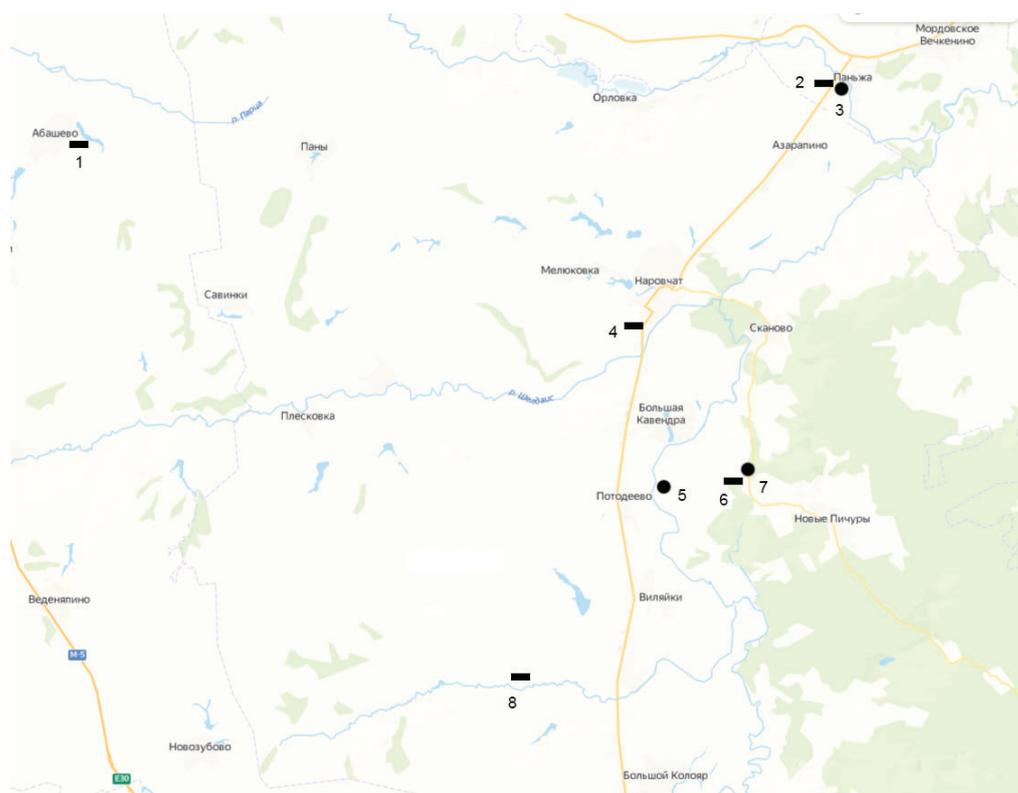

Рис. 1. Карта памятников городской округи. 1 – Абашевский могильник; 2 – Паньжинский могильник; 3 – селище «Полянки»; 4 – Старосотенский могильник; 5 – Потодеевское селище; 6 – могильник Казбек; 7 – селище «Красный Восток»; 8 – Акимовщинский могильник.

Fig. 1. Map of the urban district sites. 1 – Abashevo burial ground, 2 – Panzha burial ground, 3 – "Polyanki" settlement, 4 – Staraya Sotnya burial ground, 5 – Potodeyevo settlement, 6 – Kazbek burial ground, 7 – "Krasny Vostok" settlement, 8 – Akimovshchina burial ground.

1048, с. 222, табл. II: 24). Следовательно, в домонгольское время захоронения на Старосотенском могильнике совершались.

Однако следует иметь в виду, что в начале XII в. территория Верхнего Примокшанья становится местом болгарской экспансии, о чем свидетельствует появление в регионе ряда городищ и селищ с красно-коричневой гончарной керамикой: Жуковских 1–3, Вышинских 1–3, Кармалейского, Большепольянского, Котельского, Коповских 1–2, Рахмановского, Попова поляна, Скановского, которые, по мнению Г.Н. Белорыбкина, «четко обозначили южную границу распространения памятников мордвы» (Белорыбкин, 2003, с. 36). Исходной территорией данной экспансии было Верхнее Посурье, где распространение болгарских памятников относится к более раннему времени, и его итогом стала ассимиляция местного мордовского населения, что нашло отражение в прекращении захоронений на мордовских могильниках. Примерно такая же картина наблюдается на террито-

рии Верхнего Примокшанья, где прекращает функционировать мордовский могильник у с. Кармалейка.

Кроме того, монгольское нашествие 1236–1342 гг. привело к значительным миграциям населения Примокшанья. На большинстве мордовских могильников в этот период прекращается совершение захоронений, которое на некоторых некрополях так и не было возобновлено. По подсчетам Г.Н. Белорыбкина, из 46 памятников домонгольского времени в Среднем Примокшанье осталось только 17 (Белорыбкин, 2003, с. 37). Вместе с тем в золотоордынское время возникает ряд новых могильников, и в том числе четыре памятника в окрестностях Наровчата, что свидетельствует о существенной перегруппировке местного населения (Ставицкий, 2022). По всей вероятности, в эти процессы было вовлечено и население Старосотенского могильника. На данный факт, возможно, указывает наличие пяти погребений, которые были нарушены при совершении новых захоронений (Алихо-

ва, 1948, с. 243–246). При последовательном совершении погребений на мордовских могильниках, существовавших сравнительно недолго и непрерывно, такое случается редко.

В монографии «Средневековый город Мохши» было высказано предположение, что одним из ближайших мордовских поселений было Потодеевское селище, куда в конце XIII века, поближе к торговой дороге, ведущей в город, переселились жители селища «Красный Восток» (Белорыбкин и др., 2021, с. 146). Однако среди собранной на селище керамики преобладают фрагменты красноглиняной гончарной посуды, более характерной для болгарского населения. Лепная мордовская керамика тоже встречается здесь, но она может относиться и к домонгольскому времени, артефакты которого также присутствуют на данном памятнике. О наличии здесь в XIV веке представителей мордовской культуры свидетельствует только находка сьюльгамы с трехгранными лопастями и насечками у их основания. Однако подобная находка здесь единична, в то время как на мордовских памятниках сьюльгамы относятся к наиболее распространенной категории металлических предметов. Зато присутствует такой красноречивый элемент болгарской городской культуры, как железный замок, не имевший распространения на известных нам мордовских памятниках Примокшанья (Белорыбкин, 2003, с. 111–118; Вихляев и др., 2013). Судя по обилию на Потодеевском селище золотоордынских монет, его жители были тесно вовлечены в товарно-денежные отношения с населением города Наручадь.

На наш взгляд, болгарскому населению принадлежало и селище «Красный Восток», где также преобладает красноглиняная гончарная керамика, найден ключ от замка, а находки сьюльгам отсутствуют вовсе. Причем большинство найденных здесь предметов относятся к домонгольскому времени. О том, что население селища пережило монгольское нашествие, свидетельствует только единичная находка золотоордынской монеты, относящаяся к 70-м годам XIII века (Белорыбкин и др., 2021, с. 137–139).

По-видимому, расположенный рядом с селищем мордовский могильник «Казбек» появился здесь только после того, как поселение было оставлено его жителями. Данный могильник был открыт и частично исследован

А.А. Спицыным. В его отчете, опубликованном в издании Императорской археологической комиссии, говорится, что «могильник оказался сильно перерытым, но все же здесь отыскано и вскрыто до 15 погребений, более или менее целых». По аналогии с материалами Пичпандинского могильника, в котором А.А. Спицыным были найдены золотоордынские монеты, могильник «Казбек» был датирован XIV веком (Спицын, 1894, с. 47). В 1938 г. на могильнике шесть погребений было вскрыто А.Е. Алиховой, в 1964 г. одно погребение – М.Р. Полесских, в 1988 г. четыре погребения – А.В. Растороповым (Ставицкий, 2022, с. 155). Полностью опубликованы только материалы разрушенного погребения, расчищенного В.А. Винничком. По литым сьюльгам с трехгранными лопастями погребение датируется XIV веком. Эту дату подтверждает и монета хана Джанибека 747 г. х. (1346/1347 гг.), найденная на площади могильника (Белорыбкин и др., 2021, с. 144–146, рис. 104–105). Этим же веком по находкам лопастных сьюльгам датировал вскрытое им погребение М.Р. Полесских (Ставицкий, 2008, с. 114). А.Е. Алихова допускала возможность, что некоторые из исследованных ею погребений могли относиться ко второй половине XIII века (Алихова, 1938). Из четырех захоронений, раскопанных А.В. Растороповым, два не содержали инвентаря. В погребении № 1 был найден лепной сосуд мисковидной формы, проволоочная сьюльгама со слабо раскованными лопастями и пряслице, в погребение № 4 – железный рыболовный крючок, железная пряжка и кольца, две костяные пластины с нарезками. Жителями села были переданы вещи, найденные на площади могильника: обломок бронзового плетеного браслета и кольцевые сьюльгамы с завернутыми концами. Данные предметы преимущественно датируются XII–XIV веками. Близкие аналоги им имеются в материалах Паньжинского могильника (Степанов, 1959, с. 198–200, табл. 79, 80).

Из поселенческих памятников наручадской округи бесспорно мордовским является селище «Полянки», расположенное в 10 км к северу от Наровчата. Памятник был полностью исследован Е.И. Горюновой, в результате чего было вскрыто 1600 кв. м, раскопано шесть полуземлянок, в которых могло проживать около 40 человек. По её наблюдениям, близость золотоордынского города очень мало

отразилась на быте местной мордвы, поскольку большая часть найденных на селище предметов относится к изделиям домашнего ремесла. Керамика лепная, но в ряде случаев горшки покрыты слоем красной киноварной краски в качестве подражания гончарной золотоордынской посуде. По подсчетам А.А. Беговаткина, менее 10% керамики относится к типичной золотоордынской красноглиняной гончарной посуде, которую он датировал XIV–XV вв. (Беговаткин, 2017, с. 301–302) В культурном слое селища зафиксировано много шлаков и железных криц, что свидетельствует о местном производстве металла из залежей болотной руды, из которого, по мнению Е.И. Горюновой, «местные кузнецы выковывали довольно грубой формы топоры, ножи, серпы, шилья, наконечники стрел, иглы, рыболовные крючки и другие предметы, необходимые в домашнем обиходе». Она полагает, что часть железных орудий местные жители получали от татар – это стремена, ножи с красивыми рукоятками и некоторые предметы домашнего быта (Горюнова, 1947, с. 107–108). Судя по описанию Е.И. Горюновой, комплекс собранных здесь вещей заметно отличается от находок с селищ «Красный Восток» и Потодево преобладанием лепной керамики, отсутствием золотоордынских монет и предметов городского быта.

Поблизости от селища располагался Паньжинский мордовский могильник, на котором, по мнению Е.И. Горюновой и П.Д. Степанова, его жители хоронили своих умерших. На могильнике вскрыто 36 погребений, большинство которых ориентировано головой на юг, но в дневнике П.Д. Степанова дано описание только 34 захоронений (Степанов, 1959). По антропологическим характеристикам четыре костяка принадлежали мужчинам, четыре – женщинам, шесть – детям. Однако по вещевым комплексам, содержащим накошники и пряслица, женских погребений было не менее 10, к ним же, вероятно, относится и еще одно погребение без выразительных вещей, совершенное на боку. Мужские захоронения идентифицируются по положению вытянуто на спине – четыре погребения, которые обычно содержали кресала, реже топоры. Кроме них, кресало и кремь были найдены в одном разрушенном погребении (п. 18), в одном погребении с явным женским комплексом вещей (п. 13) и в одном погребении

с женской позой костяка на левом боку, ориентированного головой на север (п. 34). Иная ориентировка последнего погребения, вероятно, свидетельствует о его иноэтничном происхождении, а поза на боку – о зависимом положении. То есть достоверно мужскими на могильнике являются 5–6 погребений, что в два раза меньше женских.

По описанию П.Д. Степанова, на селище и могильнике найдены практически идентичные вещи, однако керамика в погребениях изготовлена на гончарном круге. Причем формы данной посуды «чрезвычайно близки к таковым из селища Полянки» (Степанов, 1959, с. 197). Данный факт весьма необычен, поскольку даже в Муранском могильнике, население которого в повседневной жизни использовало гончарную посуду, в погребениях всегда встречается лепная, изготовленная архаичным способом керамика (Алихова, 1954). При этом на фотографии, приведенной в публикации П.Д. Степанова, часть керамики имеет неровные края и скорее похожа на лепную посуду. Помимо горшков в статье упоминаются четыре плоские, которые изготовлены более тщательно, но только одна из них выполнена на гончарном круге. Также автор отмечает, что в погребении 2 обнаружены фрагменты золотоордынского гончарного сосуда красного обжига, то есть остальную керамику он считает местной (Степанов, 1959, с. 197, табл. 77). О связях с городом свидетельствует находка в одном из погребений золотоордынской монеты с чеканом «Мохши», однако на селище монет не обнаружено (Горюнова, 1947, с. 107). К изделиям городского ремесла на данных памятниках, по-видимому, относятся украшения, изготовленные из серебра и бронзы: серьги в виде колечек с несомкнутыми концами (8 экз.), желудевидная подвеска, серебряная привеска в виде сплюсненной коробочки, витой и плетеный браслеты, два серебряных перстня. Три железных пластинчатых браслета, видимо, были выполнены сельскими мастерами. Материалы могильника были датированы П.Д. Степановым XIII–XIV веками, так же как и селище «Полянки» (Степанов, 1959, с. 198–200, табл. 79, 80).

В 25 км к западу от Наровчата на северной окраине с. Абашево расположен Абашевский (Беднодемьяновский) могильник, на котором М.Р. Полесских в 1958 г. было вскрыто 20 погребений, ориентированных головой

на ЮВ и Ю: четыре мужских, двенадцать женских, два детских и два неопределенных. Женские погребения были совершены скорченно на правом боку, мужские – вытянуто на спине. Одно мужское погребение с минимальным набором инвентаря было совершено в скорченном положении на левом боку. Погребения были отнесенных М.Р. Полесских к мордве-мокше и датированы XIV в. (Ставицкий, 2008, с. 92). Как и в большинстве мордовских могильников этого времени, погребения содержат ограниченное количество вещей, два захоронения – безынвентарные. В пяти погребениях была найдена лепная мордовская керамика, причем сосуд из первого погребения был украшен волнистым орнаментом, таким же как орнамент на гончарных золотоордынских сосудах. Почти все женские захоронения содержали сьюльгамы, а в мужских погребениях их не было. По-видимому, в этот период лопастные сьюльгамы в основном имеют декоративное значение и перестают использоваться в мужской одежде. Данная тенденция фиксируется и на материалах Паньжинского могильника, где единичные находки лопастных сьюльгам присутствуют только в одном мужском захоронении (Степанов, 1959, с. 204–205). Подобные сьюльгамы отмечены А.Е. Алиховой всего в двух мужских погребениях Муранского могильника (Алихова, 1954, с. 289). В Комаровском могильнике, по наблюдениям К.Ю. Моржерина, лопастные сьюльгамы в мужских погребениях в основном содержатся в дарственных комплексах (Моржерин, 2003).

По погребальному обряду и набору инвентаря Абашевский могильник находит близкие аналоги в материалах Паньжинского могильника, а его отличительной особенностью являются находки литых серебряных сьюльгам, украшенных чернью и зернью. Подобных находок сьюльгам нет еще в могильниках, которые существовали во второй половине XIII века: Татарско-Лакском, Аткарском и Комаровском (Ляхов, 1996; Моржерин, 2013; Белорыбкин, 2007), их наличие в погребениях Абашевского могильника, при малочисленности находок узколопастных сьюльгам, свидетельствует о совершении здесь захоронений в XIV в.

Могильник у с. Акимовщина расположен в 16 км к югу от с. Наровчат. Был открыт в 1976 г. М.Р. Полесских, которым были собраны

из разрушенных при строительстве плотины вещи: железные топоры с цапфами, наконечники стрел с лопастным пером (рис. 2: 19–22), ножи с притупленной спинкой, пряжки, кресала лировидной и овальной формы (рис. 2: 15–18), железная булава с остатками гвоздя в отверстии, бронзовые и серебряные лопастные сьюльгамы (рис. 2: 11–12), в том числе украшенные чернью (рис. 2: 11–12), серебряные щитковые перстни (рис. 2: 3, 5), кольцевые застёжки (рис. 2: 1, 2), бронзовый круглодротовый браслет (рис. 2: 10), проволочный плетеный браслет с раскованными концами (рис. 2: 8), пластинчатые браслеты из железа (рис. 2: 6, 7), височное кольцо с завитком (рис. 2: 4) (Ставицкий, 2008, с. 125). В 2001 г. на незадернованной части памятника Г.Н. Белорыбкин при зачистке было вскрыто женское, ориентированное головой на юг погребение, содержащее два серебряных перстня с полыми щитками, один из которых украшен в технике чернения, серебряный пластинчатый браслет, две серебряные и четыре бронзовые литые лопастные сьюльгамы, на одной из которых допасти были украшены резным орнаментом. Погребение было датировано XIV в. (Белорыбкин и др., 2021, с. 146–147, рис. 107).

Таким образом, к ближайшей округе г. Наручадь тяготеет ряд мордовских памятников, время бытования которых в основном совпадает с периодом наибольшего расцвета данного города, который приходится на первую половину XIV в. Судя по хронологии данных памятников, большинство из них уже существовало к тому времени, когда сюда был перенесен административный центр из г. Укека, что, судя по появлению монетного двора, произошло в 1309 г. То есть при создании административного центра была учтена плотность заселенности региона, в котором наряду с мордовскими селищами существовали и болгарские. Несколько позже, вероятно, возникли поселения, жителями которых были оставлены Абашевский и Акимовщинский могильники. Их появление могло быть обусловлено необходимостью продовольственного снабжения как золотоордынской администрации, так и ремесленного населения города, которое, по-видимому, могло быть основано как на экономическом интересе, так и внеэкономическом принуждении. Повышенная концентрация сельского населения фиксируется и в округе других

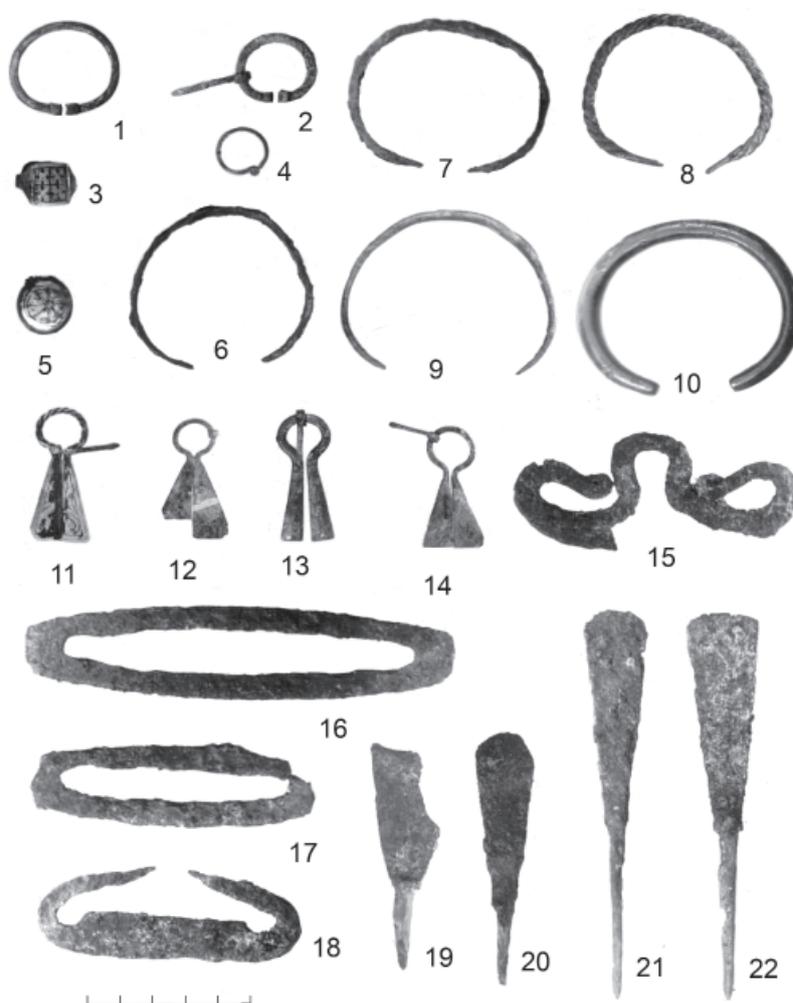

Рис. 2. Могильник Акимовщина. Погребальный инвентарь. 1, 2 – кольцевые застёжки; 3, 5 – перстни; 4 – височное кольцо; 7-10 – браслеты; 11-14 – лопастные сьюлгамы; 15-18 – кресала; 19-22 – наконечники стрел. 1, 2, 4, 8-10, 13, 14 – бронза; 3, 5, 11, 12 – серебро; 6, 7, 15-22 – железо.

Fig. 2. Akimovshchina burial ground. Burial inventory. 1, 2 – ring clasps; 3, 5 – rings; 4 – temple-ring; 7-10 – bracelets; 11-14 – lobed sulgams; 15-18 – fire lighters; 19-22 – arrowheads. 1, 2, 4, 8-10, 13, 14 – bronze, 3, 5, 11, 12 – silver; 6, 7, 15-22 – iron.

городов золотоордынского времени (Грибов, 2007; Недашковский, 2013; Шакиров, 2014).

Возникает вопрос: в каких отношениях находилось ремесленное население города с жителями сельской округи? Исследователями Наровчатского городища зафиксировано, что в городе было развито гончарное ремесло, о чем свидетельствуют остатки гончарных горнов, в которых обжигалась красноглиняная керамика, изготовленная на гончарном круге. Судя по находкам металлических изделий, в г. Наручадь было развито кузнечное и ювелирное ремесло (Белорыбкин и др., 2021). Погребальные традиции мордовского населения предшествующей эпохи предполага-

ли помещение в могилу глиняной посуды, которая присутствует примерно в половине женских погребений, а в мужских встречается эпизодически. Такая посуда зафиксирована в погребениях могильников: Казбек, Абашевского, Паньжинского и Старосотенского. Как правило, это местная мордовская, изготовленная лепным способом керамика. П.Д. Степанов относит посуду Паньжинского могильника к гончарной, однако А.Е. Алихова при обзоре керамики мордовских могильников золотоордынского времени отмечает находки гончарной посуды только в Старосотенском (три погребения) и Куликовском могильниках (1 погребение) (Алихова, 1959, с. 43). К ним следует добавить фрагменты еще одного сосу-

да золотоордынского облика из погребения 2 Паньжинского могильника (Степанов, 1959, с. 197). Впрочем, отсутствие гончарной посуды в погребениях не обязательно является показателем её неиспользования в быту, поскольку лепную посуду нередко специально изготавливали для похорон. С.И. Андреевым даже зафиксировано использование в погребальной практике архаичных форм керамики, давно вышедшей из употребления (Андреев, 2020). Поэтому более показательным наличие гончарной золотоордынской посуды на селище «Полянки», где она составляет менее 10% (Беговаткин, 2017, с. 301–302), что в принципе сопоставимо с количеством такой посуды в погребениях Старосотенского и Паньжинского могильников. Оба памятника являются ближайшими к городу, на более отдаленных селищах гончарную посуду могли использовать реже.

По мнению Е.И. Горюновой, мордовское население покупало в городе и некоторые железные изделия (Горюнова, 1947, с. 107–108). Однако перечисленные её предметы встречаются на мордовских памятниках и до появления в Примокшанье городской инфраструктуры. К тому же в культурном слое селища «Полянки» зафиксированы многочисленные следы железоделательного производства при практически полном отсутствии каких-либо признаков вовлеченности местных жителей в товарно-денежные отношения. Железо производили и на расположенном рядом с городом Потодеевском селище (Белорыбкин и др., 2021), и, по всей видимости, городские кузнецы не обеспечивали своими изделиями даже ближайшую округу. Вероятно, единственным товаром, который пользовался широким спросом сельских жителей, были ювелирные украшения, поскольку после монгольского нашествия оказались нарушены былые пути поступления цветного металла вглубь мордовской территории, что нашло отражение в значительном сокращении как ассортимента, так и количества украшений погребального костюма. Из употребления выходят массивные гривны и бляхи,

бронзовая лента на наконечниках-пулокерях заменяется тонкой проволокой, в мужских погребениях практически перестают встречаться сюльгамы, вместо бронзовых получают распространение пластинчатые браслеты, изготовленные местными кузнецами из железа. Вместе с тем чаще, чем ранее, в погребениях начинают встречаться украшения, изготовленные из серебра, а в отдельных случаях и из золота. К изделиям городских высококвалифицированных мастеров, вероятно, относятся серебряные украшения, выполненные в технике зерни и чернения, ранее практически не известные на мордовских памятниках. Однако погребения с подобным ассортиментом изделий сравнительно немногочисленны, и наряду с ними чаще начинают встречаться бедные и безынвентарные захоронения. Если в погребениях Ефаевского могильника домонгольского времени практически в каждом мужском погребении имелся топор (Горюнова, 1948), то в проанализированных материалах из могильников городской округи топоры встречаются примерно в каждом пятом погребении. При этом в Паньжинском и Абашевском могильнике зафиксирована явная половая диспропорция – число мужских погребений значительно уступает женским, что, видимо, связано с привлечением мужского населения для участия в военных действиях.

Таким образом, в торгово-ремесленном отношении влияние золотоордынского города Наручады на мордовскую округу имело достаточно ограниченный характер и не приводило к каким-либо кардинальным изменениям местного хозяйства и быта. В более тесные товарно-денежные отношения, видимо, было вовлечено население окрестных болгарских поселений, что наглядно иллюстрируют материалы Потодеевского селища. Как и в других провинциальных городах Золотой Орды, расположенных не в самой благоприятной для развития торговли местности, в Наручади прежде всего были сосредоточены административные функции, после потери которых город сравнительно быстро утратил свое былое значение.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Материалы Мордовской археологической экспедиции ГИМ 1938 г. под руководством А.Е. Алиховой в Пензенской и Тамбовской обл. // Архив НИИ гуманитарных наук. г. Саранск. И-1335. 18 л.

- Алихова А.Е.* Старосотенский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 212–258.
- Алихова А.Е.* Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 259–301.
- Алихова А.Е.* Из истории мордвы конца 1-го – начала 2-го тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордов. книжное изд-во, 1959. С. 13–54.
- Андреев С.И.* Бокинский могильник средневековой мордвы // РА. 2020. №. 2. С. 151–166.
- Беговаткин А.А.* Археологическая карта России. Республика Мордовия. М.: ИА РАН, 2017. 489 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в средние века. Пенза: ПГПУ, 2003. 200 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Средневековый могильник у с. Татарская Лака II // Пензенский археологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Изд-во Ин-та истории и права Пензенского государственного педагогического университета, 2007. С. 211–258.
- Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В.* Средневековый город Мохши. Пенза, 2021. 250 с.
- Белоусов С. В., Ставицкий В. В.* Проблемные вопросы изучения золотоордынского города Мохши // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 840–850.
- Васильева И.Н.* II Усинский грунтовый могильник XIII–XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 58–76.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.И.* Хронология могильников населения I– XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Республиканская типография «Красный октябрь», 2008. 352 с.
- Вихляев В.И., Кемаев Е.Н.* Лопастные сьюлгамы как этноопределяющий признак средневековой мордовской культуры // Поволжская археология. 2019. №. 4 (30). С. 110–118.
- Вихляев В.И., Петербургский И.М., Седышев О.В.* Древние и средневековые поселения мордвы. Саранск: Мордовский ун-т, 2013. 216 с.
- Гисматулин М.Р.* Материалы Муранского могильника в коллекции УОКМ // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 181–189.
- Горюнова Е.И.* Селище Полянки // КСИИМК. Вып. 15 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 106–110.
- Горюнова Е. И.* Ефаевский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 112–137.
- Грибов Н.Н.* Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения // КСИА. 2007. №. 221. С. 118–131.
- Грибов Н.Н.* Сельское окружение русского города эпохи Золотой Орды (по материалам памятников округа Нижнего Новгорода) // Поволжская археология. 2021. №. 2 (36). С. 164–177.
- Дегтярев А.А.* О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи // Город и государство в древних обществах / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: ЛГУ, 1982. С. 146–149.
- Ляхов С.В.* Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: ТОО «Орион», 1997. С. 79–97.
- Монахов С.Ю.* Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: СГУ, 1991. С. 167–188.
- Моржерин К.Ю.* Погребения с дарами из Комаровского грунтового могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Проблемы хронологии и этнической истории. Тезисы докладов II межрегиональной научной конференции. Саранск, 2003. С. 50–53.
- Моржерин К.Ю.* Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 140–178.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город и его округа: на материалах Нижнего Поволжья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 42 с.

Недашковский Л.Ф. Методические аспекты исследования комплексов археологических памятников округа крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Поволжская археология. 2013. №. 4 (6). С. 118–129.

Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни / Труды ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 253–274.

Пигарёв Е. М. Формирование на Нижней Волге столичного центра Улуса Джучи в эпоху правления хана Узбека (анализ нумизматического материала) // Археология Евразийских степей. 2022. №. 3. С. 295–303.

Седова М. В. Ювелирные украшения древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Спицын А. А. Производство археологических раскопок в Пензенской и Тамбовской губерниях // Отчет ИАК за 1892 год. Спб.: Тип. Главного управления уделов, 1894. С. 45–51.

Ставицкий В.В. Археологические изыскания М.Р. Полесских. Пенза, 2008. 175 с

Ставицкий В. В. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. №. 6. С. 155–166.

Сташенков Д.А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII — XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 413–432.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с.

Степанов П.Д. Паньжинский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 195–206.

Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. 2014. №. 2 (8). С. 37–48.

Информация об авторах:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

Белусов Сергей Владиславович, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); sergbel_1812@mail.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1938. *Materialy Mordovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii GIM 1938 g. pod rukovodstvom A.E. Alikhovoy v Penzenskoy i Tambovskoy obl. (Materials of the Mordovian archaeological expedition of the State Historical Museum in 1938 headed by A.Ye. Alikhova in the Penza and Tambov regions)*. Archive of the Research Institute of Humanities. Saransk. I-1335. 18 l (in Russian).

Alikhova, A. E. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. V., Kotkov, K. A. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordov. gos. izd-vo" Publ., 212–258 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 1. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 259–301 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: Mordovian Book Publ., 13–54 (in Russian).

Andreev, S. I. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 151–166 (in Russian).

Begovatkin, A. A. 2017. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Respublika Mordoviya (Archaeological Map of Russia. The Republic of Mordovia)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian)

Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2007. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 1. Penza: "PIRO" Publ., 211–258 (in Russian).

- Belorybkin, G. A., Ikonnikov, D. S., Melnichenko, O. V., Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval Town Mokhshi)*. Penza (in Russian).
- Belousov, S. V., Stavitsky, V. V. 2022. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (10) 4, 840–850 (in Russian).
- Vasilieva, I. N. 1993. In Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara: “Artefakt” Publ., 58–76 (in Russian).
- Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiya mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st — 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: “Krasnyi Oktiabr” Typography (in Russian).
- Vikhlyaev, V. I., Kemaev, E. N. 2019. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 110–118 (in Russian).
- Vikhlyaev, V. I., Peterburgsky, I. M., Sedyshev, O. V. 2013. *Drevnie i srednevekovye poseleniya mordvy (Ancient medieval settlements of the Mordvins)*. Saransk: Mordovian State University (in Russian).
- Gismatullin, M. R. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 181–189 (in Russian).
- Goryunova, E. I. 1947. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 15. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 106–110 (in Russian).
- Goryunova, E. I. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. V., Kotkov, K. A. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: “Mordov. gos. izd-vo” Publ., 112–137 (in Russian).
- Gribov, N. N. 2007. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (221), 118–131 (in Russian).
- Gribov, N. N. 2021. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 164–177 (in Russian).
- Degtyarev, A. Ya. 1982. In *Gorod i gosudarstvo v drevnikh obshchestvakh (City and state in ancient societies)*. Leningrad: Leningrad State University, 146–149 (in Russian).
- Lyahov, S. V. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)*. Saratov: “Orion” Publ., 79–97 (in Russian).
- Monakhov, S. Yu. 1991. In Mironiov, V. G. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 2. Saratov: Saratov State University, 167–188 (in Russian).
- Morzherin, K. Yu. 2003. In *Povolzhskie finny i ih sosedi v jepohu rannego srednevekov'ja (problemy hronologii i jetnicheskoi istorii) (The Volga Finns and their Neighbors in the Early Middle Ages (the Issues of Chronology and Ethnic History))*. Saransk, 50–53 (in Russian).
- Morzherin, K. Yu. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 11. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 140–178 (in Russian).
- Nedashkovsky, L. F. 2011. *Zolotoordynskiy gorod i ego okruga: na materialakh Nizhnego Povolzh'ya (The Golden Horde city and its districts: based on materials from the Lower Volga region)* Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).
- Nedashkovsky, L. F. 2013. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 118–129 (in Russian).
- Nedoshivina, N. G. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 253–274 (in Russian).
- Pigarev, E. M. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 295–303 (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Yuvelirnye ukrasheniya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of ancient Novgorod (X–XV centuries))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1894. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1892 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission from 1892)*, 45–51 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2008. *Arkheologicheskie izyskaniya M.R. Polesskikh (Archaeological studies by M.R. Polesskikh)*. Penza (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 155–166 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaya Gazariya i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 413–432 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskiy period zhizni (Boris Alexandrovich Latynin. Samara period of life)*. Saratov: “Novyy veter” Publ. (in Russian).

Stepanov, P. D. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: Mordovian Book Publ., 195–206 (in Russian).

Shakirov, Z. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 37–48 (in Russian).

About the Authors:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, Krasnaya str. 40, Penza, 442052, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Belousov Sergey V. Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, Krasnaya str. 40, Penza, 442052, Russian Federation; sergbel_1812@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу